

А. Г. Селезнев

СОВРЕМЕННЫЕ ИЕРОТОПИИ В СИБИРИ: ТЕХНОЛОГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВЫХ КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ¹

Новейшие сакральные пространства как иеротопии

Начиная с 2011 г. я опубликовал серию текстов, в которых к сибирскому материалу применялась концепция иеротопии, разработанная российским историком культуры А. Лидовым [Селезнев 2011а; 2011б; 2012; 2013а, б; Селезнев, Селезнева 2013а]. Видимо, с моей легкой руки этот концепт начал использоваться в работах ученых Сибири [Семенова 2013; Яшин 2012а; ср.: Шутова 2013]. Иеротопия — это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры такого творчества. По словам автора концепта, «иеротопия как тип деятельности глубоко укоренена в природе человека, который... вначале стихийно, потом осмысленно формирует конкретную среду своего общения с высшим миром» [Лидов 2009: 12]. Для определения понятия «сакрального пространства» чаще всего обращаются к наследию выдающегося антрополога и культуролога Мирча Элиаде [Элиаде 1999: 337], широко использовавшего понятие «иерофании». «Любая... иерофания преобразует место, ...и оно, до того простое, пустое, ничего не значившее — профанное, становится священным». Надо полагать, что именно творческий процесс превращения профанного, мирского в сакральное, иерофанию и есть предмет иеротопии.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «“Жить в эпоху перемен”: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940–2000-е годы)», проект № 12-31-01043.

Поздне- и постсоветская эпоха характеризуется распространенным, но не вполне осмысленным социокультурным явлением — бурным ростом новых сакральных пространств и ритуальных практик: Аркаим на южном Урале, Церковь последнего завета и город Солнца в Красноярском крае, скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе, сейды Кольского полуострова и др. Развитие этих центров протекает на фоне характерных тенденций формирования мировоззрения современной России. Сдвиг привычных культурных идентичностей, всплеск иррациональных и мистических настроений, стремление части современной российской элиты к эскапизму, бегству от реальностей сегодняшней жизни («номадизм» в терминах постструктуралистской философии Жюль Делёза) — вот составляющие этого процесса. Полагаю, что для изучения данного феномена применима концепция иеротопии.

Источником настоящей статьи являются материалы этнографического экспедиционного обследования одного из таких комплексов, формировавшегося начиная с 1992 г. вокруг д. Окунево Муромцевского района Омской области. За истекшие 20 с лишним лет Окунево, труднодоступное таежное село в 250 км от города, неожиданно превратилось в известный далеко за пределами России крупный сакральный центр. Сюда со всего света хлынули туристы, паломники, последователи экзотических религиозных течений, мистики, эзотерики, уфологи, поэты, свободные художники, рок-музыканты, писатели-сатирики с историко-лингвистическими «отклонениями», маргиналы и девианты. Количество посещающих сакральный комплекс вокруг Окунева достигло десятков тысяч человек. Размах феномена, идеология, обрядовая деятельность, священные артефакты функционирующих в Окунево культурно-религиозных объединений рассмотрены в: [Селезнев, Селезнева 2013а].

Интерес к вновь возникшим сакральным пространствам базировался на предшествующем опыте изучения святилищ, функционирующих в сфере традиционной культуры. С начала 2000-х годов группа исследователей (А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева,

И. В. Белич и др.) выполняла проект по изучению культа святых и традиционных культовых комплексов мусульман Сибири. Даже поверхностное сравнение с очевидностью демонстрировало общность культовых практик и мифологических мотивов, получивших развитие в рамках традиционных и новейших сакральных комплексов. Парадоксально, но чрезвычайно архаичные мифологические мотивы эсхатологии, катастрофизма, превращения хаоса в космос ревитализируются в настоящую эпоху кризиса привычных духовных ценностей. Эти мотивы без труда обнаруживаются в мифологии бурно развивающихся современных сакральных центров [Селезнев 2011а, б]. Катастрофические, эсхатологические, апокалипсические мотивы ряда новых религиозных движений и их генетические истоки рассмотрены в монографии М. В. Ахметовой [2010]. Трансформация и преемственность восточнославянских представлений об эсхатологическом нашествии с древности до современности проанализированы в интересном исследовании Д. В. Громова [2004]. Традиционные мифологические мотивы в новых религиозных движениях рассматривает в своих работах В. Б. Яшин [Яшин 2011, 2012а, 2012б].

Окуневские материалы предоставили новые данные, дополняющие и подтверждающие высказанное теоретическое положение. В данной статье мы остановимся на двух архетипах, представленных в окуневской мифологии и играющих важную роль в генезисе культового комплекса, — хронотопе памятника и сновидениях как факторе освящения сакрального пространства.

Хронотоп памятника: «вечные» объекты

Одним из наиболее ярких мотивов является приуроченность традиционных святилищ к символически «вечным» объектам: горе, пещере, отдельным большим камням, деревьям, живописным озерам или речным долинам [Виноградов, Громов 2006; Корусенко и др. 2013: 182–184; Макаров, Чернецов 1988; Щепанская 2003: 264–293]. Эти и подобные объекты, связывающие воедино пространство и время (вечность!), составляют естественную основу хронотопа культового комплекса. В ряду таких объектов особое положение занимают выделяющиеся на местно-

сти археологические памятники разных эпох. Не случайно многие традиционные святилища имеют четкую привязку к археологическим памятникам (или к старинным архитектурным ансамблям), а иногда и располагаются непосредственно на их месте (см., например: [Штырков 2012]).

В плане обсуждаемой проблемы очень характерный пример — известное и весьма почитаемое мусульманское святое место в Западной Сибири — Тюрмитякская астана. Памятник расположен в Усть-Ишимском районе Омской области, на р. Ишим, неподалеку от ее впадения в Иртыш. Комплекс ассоциирован сразу с несколькими «вечными» объектами: живописным округлым в плане озером, носящим характерное название Астана-Бурень; видимыми археологическими объектами, осмысляемыми как могилы предков; возвышающимся останцом, на котором также расположен археологический памятник [Селезнев 2013а, б].

Новейшие сакральные пространства ассоциированы с археологическими объектами еще в большей степени, нежели традиционные. Многие места силы современной эпохи в той или иной степени связаны с памятниками археологии: скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе. Аркаим — самый известный в России случай [Шнирельман 2011]. Типовой механизм формирования таких центров основан на идее реактуализации, пробуждения, активации сакрального потенциала археологических объектов, наделяемых сверхъестественными функциями. Эти представления зачастую подкреплены мифом, что именно данная территория была колыбелью древнейших суперцивилизаций и с нее начнется спасение всего человечества [Яшин 2012а: 97–98; Яшин 2014: 114–116].

Окунево занимает промежуточное положение между центрами, полностью ассоциированными с конкретными археологическими объектами (Аркаим, Укок, возможно, Долина царей), и локусами, никак внешне не связанными с археологическими памятниками (город Солнца в красноярской тайге). Археологический контекст «окуневского феномена» расплывчатый, неконкретный и точно неопределяющий.

Тем не менее аспект «древних цивилизаций» присутствует уже в рассказах о рождении феномена, а именно — о прибытии сюда из Индии в 1992 г. гражданки США латвийского происхождения Расмы Розитис, получившей духовное имя Раджани. По благословлению своего духовного учителя Мунираджа, который, в свою очередь, был преемником Бабаджи, Раджани отправилась на север (по некоторым данным, именно в Сибирь) искать храм Ханумана. В конце концов Расма оказалась в Окунево, основала общину последователей Бабаджи — бабаджистов и храм — *ашрам*, к слову сказать, единственный в России.

«Это место никто не знал, единственно, что ее (Расму-Раджани. — А. С.) привлекло — это что работали археологи, — заявила нам лидер религиозной организации «Омкар Шива Дхам» церкви Хайдаканди Самадж (общины шиваитов, бабаджистов), носящая духовное имя Дурга, — ...много здесь было найдено захоронений, исторических ценностей. ...Раньше, когда археологи начали раскопки делать, вот на том месте, где часовня стоит (Омкар, Татарский увал — главная сакральная зона окуневского комплекса. — А. С.) были найдены ритуальные принадлежности со всех времен Земли, вот все цивилизации, которые были на Земле, они оставили там свои принадлежности ритуальные. И в связи с этим было заключено, что это место сакральное и что имеет силу такую, что все пытаются там проводить ритуалы, практики, это место объединяет людей, и люди чувствуют энергетику, и это место духовного роста. ...Про Окунево тогда вообще ничего не было известно, и вот ее (Расму. — А. С.) познакомили с Матющенко (Владимир Иванович Матющенко (1928–2005) — выдающийся российский археолог, исследователь археологических памятников вокруг Окунева. — А. С.). Он ей раскрыл много глубин и исторических фактов. И вот когда она приехала, она пошла на Омкар, взяла мантры, взяла принадлежности для огненной церемонии, поставила там палатку и стала медитировать, читать мантры, стала проводить там хаван (индуистскую огненную церемонию. — А. С.). И на четвертую ночь у нее было видение, она прямо на физическом плане и свет видела, и звуки слышала. Это было знание, подтверждение, что это место — то, что она искала».

Постепенно Татарский увал становился центром сакрального пространства. Сейчас это место называется Омкар и осмысливается как пуп Земли, энергетический центр. Вероятно, определенную роль в сакрализации этого места сыграло то обстоятельство, что здесь расположен памятник ОМ V, интерпретируемый специалистами как культовый комплекс переходного и раннежелезного времени [Матющенко, Полеводов 1994: 87–91]. Примечательно, что археологу в приведенном тексте отводится особая роль верховного демиурга — дарителя высших сакральных знаний, ср.: «он... раскрыл много глубин и исторических фактов» [Селезнев 2013б].

Частью окуневского хронотопа является мотив созвучия перевозука Вселенной «Ом» в индуистской мифологии с названием реки Омь и города Омск, а также имени богини Тары из буддийского пантеона и названия одноименной реки, на берегу которой расположена деревня. Дню рождения богини Тары посвящен в Окунево специальный праздник. Этот мотив известен практически каждому, широко популяризируется в прессе и Интернете и является важнейшим аргументом локализации сакрального центра именно в районе Окунева. Надо сказать, что на неспециалиста это созвучие действительно может произвести глубокое впечатление: ср. основную мантру Тары («царицу мантр») в буддизме и индуизме «*Om Tāre Tuttāre Ture Svāhā*» [Beyer 2001: 208–210; Rinpoche 2007: 83–93].

Сновидения как источник духовного преобразования

Один из основных наших информантов — Дмитрий — коренной житель Окунева в импровизированной лекции рассказал, что начало его поисковой деятельности было положено детским сновидением. На этой почве Дмитрий сблизился с Расмой, и это стало побудительным мотивом к поискам, организации экспедиций, в которых приняли участие люди, имевшие опыт подобных (сно)видений. В ходе этих экспедиций в окрестностях Окунево были обнаружены аномальные зоны с неприступными валами, лабиринтами, закрученными деревьями.

«Когда-то давно мне приснился сон, и видел я три храма. Просто как образы, как миражи, три храма. Два храма были отра-

жение зеркальное, а другой был темный, просто негативный какой-то. ...Потом я встретил Расму. И Расма сказала, что ищет храм Ханумана. ...Я ...стал изучать эзотерику, практики восточные. Потом люди начали подтягиваться, которые присили их просто сопроводить... как проводника...»

В другом варианте с мистического сновидения началось преобразование сакрального предмета. История была записана во время концерта группы с характерным названием «Пришельцы», который проходил прямо на открытом воздухе во дворе общины кришнаитов. Группа состояла из двух музыкантов — Виталия (флейта, вокал) и Евгения (гитара). Предваряя очередную композицию, флейтист Виталий рассказал, что он был в экспедиции в одном из наиболее энергетически сильных мест в районе Окунева. За день группа вернуться не успела, и участники похода остались на ночевку:

«...и вот снится мне сон, приходят ко мне духи того места и просят оставить флейту себе в дар. Ну я решил немножко схитрить, думаю: ну как же, я ж еще не поиграл. И хожу думаю: ну ладно, вечером где-нибудь привяжу, оставлю. И вот за весь день я ее терял дважды и дважды находил, причем чудесным образом. ...И, оставив флейту, я уехал и простился с ней навсегда.

Но ровно через год мне снится снова сон, приходят опять ко мне духи того места. Говорят: “А теперь иди и забери свою флейту”. Мы приехали, я сходил на то место. Флейта оказалась в абсолютно хорошем состоянии. Хотя это дерево, и морозы, и дождь — все это должно ее было просто разрушить. Но нет. Вместо этого внутри у нее вырос как бы мох, что изменило ее звучание и добавило больше таких насыщенных обертонов. И теперь у меня есть прекрасная возможность быть проводником энергии того места до зрителей».

В дальнейшем концерт представлял собой композицию, в которой музыка иллюстрировала повествование о космических пришельцах, галактических катастрофах, происшедшей в районе Окунево грандиозной войне цивилизаций и прочих аналогичных мотивах.

Сновидения — одна из наиболее разработанных антропологических тем [Соколовский 2006; Felek, Knysh 2012; Shulman, Stroumsa 1999; Tedlock 1987]. Значительное место в традиционной культуре занимают сновидения, содержащие мотив открытия или создания религиозной святыни [Панченко 2002: 13–17; Рабинович 2013: 52, 53–55, 60–64, 104–111, 112–118, сл.; Селезнев, Селезнева 2013б: 127–131].

Имеются свидетельства о пусковой роли (сно)видений в формировании новейших сакральных пространств постсоветского периода. Так, на Алтае зафиксирована серия схожих сновидений, в которых к людям с просьбой вернуть ее на место захоронения приходила девушка, мумию которой открыли археологи на плоскогорье Укок. Девушка сообщила, что она обладала особым даром, заключающимся в том, чтобы служить *курчуу* (поясом-оберегом) для Алтая, и просила помочь ей вернуться домой. Однако выполнить свою функцию вдалеке от Алтая (первоначально мумия была вывезена в Новосибирск в Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН) она не может и поэтому просит, чтобы ее вернули обратно на место захоронения [Тюхтенева 2006: 35].

Как известно, вокруг образа «алтайской принцессы» (так в общественном дискурсе обозначается мумия с Укока) возник целый комплекс мифологических представлений, а сам этот образ стал важным фактором этнокультурной идентичности населения Алтая [Арзютов 2013: 89; Селезнев 2011а: 129–133; Михайлов 2013: 43–45]. Описанные видения способствовали сакрализации данного образа, а также формированию вокруг него нового священного пространства. Оно сочетает в себе все компоненты новейших иеротопий: ассоциацию с археологическим объектом, мотивы катастрофизма и эсхатологии, образ героя (в данном случае — героини), призванного обратить хаос в космос. С «мезью» принцессы связывались катастрофические землетрясения на Алтае начала 2000-х годов, а также расстрел Белого дома и война в Чечне (см. подробнее: [Селезнев 2011а: 130–131]).

Приведенные материалы свидетельствуют, что традиционные архетипы и комплексы легко встраиваются, а порой и лежат в ос-

новании новой мифологии, формирующейся в рамках сакральных пространств (иеротопий) постиндустриальной эпохи. Современное мифологизированное мышление свободно включает эти архетипы в свой репертуар. В слегка модернизированном виде они выступают как существенный компонент сознания, формирующегося в настоящую эпоху торжества мистики, оккультизма, эзотерики.

Библиография

Арзютов Д. Алтайский ритуальный ковер и создание гетеротопии // АФ. 2013. № 18 Online. С. 85–133.

Ахметова М. В. Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М., 2010.

Виноградов В. В., Громов Д. В. Представления о камнях-валунах в традиционной русской культуре // ЭО. 2006. № 6. С. 125–143.

Громов Д. В. Образ «эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях в древности и современности // ЭО. 2004. № 5. С. 20–42.

Корусенко М. А., Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). СПб., 2013.

Лидов А. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009.

Макаров Н. А., Чернецов А. В. К изучению культовых камней // СА. 1988. № 3. С. 79–90.

Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994.

Михайлов Д. А. Алтайский национализм и археология // ЭО. 2013. № 1. С. 37–51.

Панченко А. А. Сон и сновидение в традиционных религиозных практиках // Сны и видения в народной культуре / сост. О. Б. Христофорова. М., 2002. С. 9–25.

Рабинович Е. И. Сны Пробужденных: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета. Екатеринбург, 2013.

Селезнев А. Г. Старые и новые иеротопии Сибири: технология конструирования религиозной идентичности // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. Омск, 2011а. С. 123–136.

Селезнев А. Г. Иеротопия мусульманских священных мест в Сибири (постановка проблемы) // Ислам в России и за ее пределами: история культуры и общества. СПб.; Магас, 2011б. С. 523–530.

Селезнев А. Г. Исламские иеротопии в Сибири: сакральные пространства и религиозная идентичность // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации. Барнаул, 2012. С. 170–177.

Селезнев А. Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013а. № 2 (21). С. 111–119.

Селезнев А. Г. «Археологический» миф в массовом сознании (сакральный комплекс в районе деревни Окунево Муромцевского района Омской области) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Иркутск, 2013б. Т. 2. С. 275–280.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Сакральный центр как творческий процесс: окуневский феномен // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск, 2013а. С. 107–113.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Ритуальные практики в сибирском исламе: элиты, книги, сны // Традиционная культура. 2013б. № 3. С. 127–131.

Семенова В. И. Иеротопия Тюмени (сакральное пространство города конца XVI–XVIII вв.) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Иркутск, 2013. Т. 2. С. 280–283.

Соколовский С. В. Сновидческая реальность — бессознательное российской антропологии? // ЭО. 2006. № 6. С. 3–15.

Тюхтенева С. П. Земля моего сновидения // ЭО. 2006. № 6. С. 31–37.

Шнирельман В. А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // АФ. 2011. № 14. С. 133–167.

Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб., 2012.

Шутова Н. И. Традиционное сакральное пространство удмуртской округи в конце XIX — начале XX в. // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Иркутск, 2013. Т. 2. С. 302–306.

Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.

Яшин В. Б. Парадоксы религиозной идентичности (традиционное и нетрадиционное в новых религиозных движениях) // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. Омск, 2011. С. 147–162.

Яшин В. Б. Иеротопические мотивы и локусные культы в новых религиозных движениях // Омский научный вестник. 2012а. № 3 (109). С. 95–99.

Яшин В. Б. Мифологическое и новые религиозные движения // Вестник Омского университета. 2012б. № 3. С. 32–38.

Яшин В. Б. Классик археологии и «неклассическая» археология // Vita scientificus, или Археолог В. И. Матющенко: сб. науч. тр., посвящ. 85-летию со дня рождения В. И. Матющенко — археолога, ученого, педагога. Омск, 2014. С. 108–131.

Beyer S. Magic and Ritual in Tibet: The Cult of Tara. Delhi, 2001.

Felek Ö., Knysh A. D. (eds.) Dreams and visions in Islamic societies. Albany; N. Y., 2012.

Rinpoche B. Tara: The Feminine Divine. San-Francisco, 2007.

Shulman D., Stroumsa G. G. (eds.) Dream Cultures: Explorations in the Comparative History of Dreaming. Oxford, 1999.

Tedlock B. (ed.) Dreaming: Anthropological and Psychological Interpretations. Cambridge, 1987.

Abstract

The article affects investigation methods regarding a new sacral spaces phenomenon as hierotopies. Factors and conditions of developing Russian sacral centers of post-USSR era are the subject to discovery. Such archetypes mythological consciousness as chronotop (eternal objects) and dreams and visions and their role in genesis of a new sacral spaces are in the focus of consideration.